

Кара Эллиот
Не в силах устоять
Серия «Шарм»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706959
Эллиот, Кара *Не в силах устоять* : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079130-9

Аннотация

Чтобы спасти непутевого брата от разгульной жизни, леди Элиза Брентфорд решает на невозможное – тайно проникнуть в гнездо разврата и любой ценой вытащить оттуда юного повесу. Однако эта дерзкая выходка приводит к весьма неожиданным последствиям – в дорогом борделе Элиза встречает знаменитого ловеласа лондонского света маркиза Гриффина Дуайта Хэддена.

Что должна испытывать добродетельная молодая вдова к человеку, который слывет в свете истинным чудовищем, олицетворением порока и распутства? Ненависть и отвращение? Но страсть, увы, не властна над расчетом и законами света: Элизабет запутывается в сетях очарования опытного искусителя...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кара Эллиот

Не в силах устоять

Cara Elliott Too Tempting to Resist

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing, New York, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Andrea Darif, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Пролог

– Ах, я так рада, сэр, что вы решили заглянуть ко мне. Волкодав всегда говорил, что у вас наметанный глаз на произведения искусства, и я горю желанием узнать ваше мнение по поводу вот этого. – Сара Хокинс сняла покрывало с акварели в золоченой раме и в восхищении даже присвистнула. – Вам не кажется, что эта картина как нельзя лучше подойдет к Эротической спальне?

Гриффин Оуэн Дуайт, маркиз Хадден, скинул пальто и подошел поближе, чтобы рассмотреть картину.

– Вы намерены повесить это именно там? Я бы вам не советовал, – сказал он, удивленно изогнув черную бровь.

– Почему? – немного удрученно спросила Сара. – Розы – мои любимые цветы, а этот букет выглядит таким красивым.

– Не спорю. Но на тайном языке цветов красные розы символизируют любовь – чувство, которое наверняка заставит ваших патронов нервничать, – сухо произнес Грифф. Слово «патроны», обозначающее постоянных клиентов, было в данном случае вежливым эвфемизмом, если учесть, что заведение Сары славилось как один из самых известных игорных приютов и борделей в Лондоне. – Если уж вы выбрали розы в качестве украшения, пусть они будут оранжевого цвета.

– И что они обозначают?

– Очарование. Прелесть. – Его губы изогнулись в саркастической улыбке. – Поэтому будет лучше, если вы найдете картину с желтыми ирисами, означающими страсть. Или с цветным горошком, который символизирует райское наслаждение.

Сара скептически фыркнула.

– Или цветок персика, который означает «я у тебя в плену», – продолжал маркиз.

– Подумать только! – Отставив акварель в сторону, Сара внимательно посмотрела на маркиза, не забыв картинно опереться на сервант. – Кто бы мог подумать, что цветы умеют говорить.

Грифф кивнул.

– А еще виноградная лоза...

– А что это означает? – Сара подалась вперед в предвкушении.

– Это означает, что мне надо утолить жажду, и я надеюсь, что в вашем личном буфете еще найдется это дорогое шотландское виски.

Ручка в мягкой замшевой перчатке игриво ударила ему в грудь.

– Вы ужасный человек, сэр! Я-то думала, что узнаю от вас что-то новое. А вы, оказывается, просто дергали за шнурки моего корсета. – Она притворно фыркнула. – Но поскольку я хозяйка этого заведения, я могу устанавливать свои правила. Так что не знаю, зачем вообще вас сюда впустила.

– За мои красивые глаза, разумеется.

– В излишней скромности вас не упрекнешь.

– И не надо, – усмехнулся маркиз, с невинным видом хлопая своими густыми черными ресницами. Маркиз вел себя, как всегда, весьма игриво, поскольку знал, что имеет успех у женщин, и не только у аристократок. И не только из-за красивых глаз, хотя их необычный цвет – карий, с зелеными искорками, – и в самом деле неизменно производил на противоположный пол неотразимое впечатление.

Впрочем, в последнее время этот факт был уже не так очевиден...

– Хм. – Сара вскинула голову, прервав размышления маркиза. – А у лягушек нет своего тайного языка, а?

– Не в бровь, а в глаз, – расхохотался Гриф. Сев на край письменного стола Сары, он ослабил накрахмаленный галстук. – Так как насчет виски, Сара?

Дверцы антикварного китайского бара открылись и закрылись. Сара передала маркизу серебряный поднос.

– Можете и мне налить.

– Полагаю, ваш бизнес процветает?

– Не жалуюсь, – ответила она. – Но не обольщайтесь, я запишу эту бутылку на ваш ежемесячный счет. Иначе бизнес окажется под угрозой.

Гриф плеснул порядочную порцию янтарного напитка в оба стакана.

– Я бы с радостью заплатил вдвойне за удовольствие беседовать с вами, – пробормотал он, подавая ей стакан.

– Заплатите тройную цену, и я доставлю вам удовольствие не только словами, мой дорогой.

– Заманчиво. – Он оглядел ее поверх края стакана. – Но я всегда полагал, что вы слишком заняты, управляя «Логовом», чтобы обслуживать кого-либо дополнительно.

С недавних пор «Волчье логово» принадлежало хорошему другу Грифа Коннору Линсли, графу Киллингуорту. Однако граф перевернул новую страницу своей жизни, став фермером и занявшись разведением овец, а «Логово» подарил своей бывшей сотруднице.

Он также начал новую жизнь, счастливо женившись, и этот факт, несомненно, повлиял на нынешнее настроение самого Грифа.

– Я и вправду очень занята, – откликнулась Сара. – Вы себе не представляете, что значит вести бизнес. – Несмотря на развязный тон, Сара краем глаза внимательно следила за Грифом. – Но для вас я, возможно, сделаю исключение.

Улыбка заиграла на губах Грифа.

– Заманчиво, – повторил он. – Но я ценю наши теперешние деловые отношения гораздо больше, чем мимолетное кувырканье в постели. Когда я загляну к вам в следующий раз, то принесу для вашего кабинета картину с изображением плюща.

– О! А плющ тоже имеет тайное значение?

– Он символизирует дружбу. Восхищение. Постоянство.

Сара соскользнула с серванта и поцеловала маркиза в щеку.

– Спасибо, несмотря на то что вы поддразнивали меня своими рассказами о тайном языке цветов.

– Вовсе нет. Насчет виноградной лозы это было шуткой, но в остальном все правда, – уверил он ее. – На самом деле этому понятию уже несколько столетий. Еще в начале восемнадцатого века леди Мэри Уортли Монтегю, жена британского посла в Константинополе, привезла в Англию из Турции книгу под названием «Тайный язык цветов». Если хотите, я привезу вам экземпляр этой книги.

– Спасибо. – Сара намотала себе на палец прядь его длинных темных волос. – Каким же образом оказалось, что такой повеса, как вы, так много знает о цветах? – удивилась она.

Гриф почувствовал, что напрягся. Он отошел от Сары и шагнул в сторону камина. Взяв кочергу, он повернул затухающие угли.

– Не следует расспрашивать своих патронов об их увлечениях. Так же, как они, я прихожу сюда не для того, чтобы отвечать на вопросы о своей личной жизни, – отрезал он.

– Но вы тоже уже не приходите сюда, чтобы проявить свои мужские достоинства или чтобы напиться до потери сознания, – возразила Сара, глядя на то скромное количество виски, которое он себе налил. – Что-то случилось? Вы выглядите немного не в себе. Вас что-то гложет?

– Не знаю, – ответил он, глядя на ожившее пламя в камине. – Может, мне просто надоело...

Что надоело? Соблазнять и напиваться? В последнее время ни то ни другое его уже не слишком привлекало. На самом деле он уже несколько месяцев перестал напиваться после того, как его затуманенная алкоголем беспечность едва не стоила жизни его другу Коннору. Что касается женщин, то странным образом он в последнее время находил гораздо большее удовлетворение в том, чтобы расходовать силы на... другие занятия.

– Возможно, мне осточертели проказы юности, – задумчиво произнес Гриф, подумав о книгах по ландшафтному дизайну, стопками стоявших возле его кровати, и о неоконченной статье на своем письменном столе. – С возрастом приходит мудрость... во всяком случае, на это приходится надеяться. На прошлой неделе был день моего рождения, а когда человеку исполняется тридцать лет, он поневоле задумывается о смысле жизни. Чего достиг, в чем ошибался.

Сложив на груди руки, Сара внимательно на него посмотрела.

– Вы стали рассудительны...

Ее взгляд скользнул по худошавой фигуре маркиза – от темных шелковистых длинных волос, широких мускулистых плеч и тонкой талии до мужских контуров бедер и длинных стройных ног.

– И весьма, – добавила она насмешливо. – Вижу, как балансирование на грани дряхлости приводит к тому, что человек начинает раскаиваться в своих прошлых грехах.

– Которых так много, что всех не перечислить, – смиренно кивнул он.

– И в этом вся правда, – протянула Сара. – У вас и ваших церберов репутация диких и необузданных.

Общество считало Грифа и двух его друзей Коннора Линсли и Кэмерона Дэггетта опасными людьми из-за их абсолютного пренебрежения правилами и нормами приличного поведения.

– Но вы-то знаете наши секреты – на самом деле мы безвредные комнатные собачки, – ответил Гриф. – Мы способны только лаять, но не кусаться.

– Ха! – фыркнула Сара. – Возможно, Ирландского Волкодава и приручили... – Коннор получил прозвище этого ирландского пса, потому что его мать была уроженкой Изумрудного острова. – Но вы и мистер Дэггетт все еще весьма опасны. Между прочим, как рана на ноге у вашего друга?

Их разговор неожиданно прервал стук в дверь, сопровождавшийся громким криком:

– Нет, мадам, вам нельзя туда входить!

– Можно, – был ответ, и дверь распахнулась.

Гриф увидел, как хрупкая фигурка оттолкнула портье и проскользнула в комнату. Скромная шляпка, яркое немодное платье, крепкие ботинки, суровый взгляд. Поскольку Гриф был признанным знатоком в оценке женщин, он мгновенно распознал, к какому типу женщин она относится. Незнакомка была не женщиной легкого поведения, а respectable дамой.

«Не избежать неприятностей», – мелькнуло в голове маркиза.

Слава Богу, к нему это отношения не имеет. Выйдя из круга света, Гриф прислонился к какому-то шкафу, ожидая, какие искры высекут эти глаза.

– Насколько я понимаю, вы владелица этого заведения? – Вошедшая указала пальцем на Сару.

– Да. – Сара протянула руку для приветствия. – Я Сара Хокинс. А вы кто?

Дама мгновение колебалась, но потом хорошие манеры взяли верх, и она неохотно кивнула:

– Леди Элиза Brentford.

По контрасту с суровым выражением ее лица голос у нее был низким и сочным, и от его звука по спине Грифа побежали мурашки. Голос лился гладко, словно шелк, но в нем слышались какие-то необычные нотки.

Эффект получился неожиданным. Эротичным.

Гриф внутренне содрогнулся. Откуда появилась такая странная мысль? Леди выглядела так, будто в ее словаре никогда не было такого слова, как «эротика».

И все же...

Вопреки строгой прическе и скромному цвету ее одежды что-то в леди Brentford было неожиданно чувственным.

– Могу я предложить вам что-либо выпить, леди Brentford? – вежливо спросила Сара. – Если виски вам не по вкусу, я прикажу, чтобы принесли чай.

– Благодарю, – холодно ответила леди, – но я пришла не с визитом.

Гриф попытался стряхнуть с себя странное оцепенение.

– Ах так. Тогда, я полагаю, вы ищете лорда Brentford.

– Господи! Ничего подобного. – Леди состроила гримасу. – Лорд Brentford уже два года как в могиле, и я искренне молю Бога, чтобы он не поступил с ним как с Лазарем.

Небольшая морщинка появилась у Сары меж бровей.

– В таком случае простите меня, но...

– Я ищу своего брата, лорда Гарри Лита.

– У нас сегодня много народу, и я, к сожалению, не знаю всех по именам. Может, вы мне опишете вашего брата?

Лит. Гриф постарался вспомнить. Фамилия вроде была знакома. Да, да, всего неделю назад... Зеленый юнец, который задавал какие-то наглые, оскорбительные вопросы, рассуждая о том, какие кисточки выглядят лучше на его модных сапогах.

– Среднего роста и довольно шуплый, – ответил за нее Гриф. – Светлые напояженные волосы уложены в сложную прическу. – Короткая пауза. – И бакенбарды, которые делают его похожим на пуделя.

– Это он. – Леди Brentford медленно повернулась к Грифу. – Он ваш друг?

– Боже упаси, – не слишком вежливо откликнулся Гриф. – На самом деле он всем досаждал, и мне пришлось быть довольно грубым.

– Да, с ним это часто бывает. – Голос оставался спокойным, но глаза выдавали тревогу. – Он здесь?

Сара вопросительно взглянула на Грифа.

– В комнатах, где сидят за картами, – пробормотал Гриф. – Поищите его в Восточной гостиной. В моем клубе ходят слухи, что лорд Лит играет по-крупному. – Пауза. – А почему именно так – одному Богу известно. Оригинальный молодой человек. Когда он пьян, то и до десяти сосчитать не может.

Несколько смущенная, Сара откашлялась.

– Леди Brentford, в заведениях, подобных этому, существуют, как бы это сказать, некие неписанные правила. Джентльмены должны быть уверены, что им, во-первых, будет обеспечена анонимность, и, во-вторых, никто не будет отрывать их от игры.

– Я проделала весь этот путь из Оксфордшира, чтобы встретиться с ним. Дело чрезвычайной важности.

Было заметно, что гостья сердится, хотя она очень старалась сдерживаться. Но был ли это только гнев? Может, страх? Гриф внимательно на нее посмотрел.

– Да, я понимаю, – сказала Сара. – В таком случае я сделаю исключение.

– Спасибо, – прошептала в ответ леди Brentford.

– Я вас покину на несколько минут. Пойду посмотрю.

Гриффу показалось, что леди Brentford не очень понравилось, что ее оставляют наедине с незнакомым джентльменом. Она мельком взглянула на Грифа и, видимо, решила, что из двух зол надо выбирать меньшее.

Когда дверь закрылась, она громко выдохнула, повернулась спиной к Гриффу и стала рассматривать гравюру, висевшую над книжными полками.

Неприятности, напомнил он себе. Он всегда прислушивался к своему внутреннему голосу, и это помогло ему выжить в жестокой войне Англии против Наполеона. А сейчас в его голове военные барабаны выстукивали яростную дробь.

Не-при-ят-нос-ти, не-при-ят-нос-ти, не-при-ят-нос-ти.

Мудрой стратегией было бы допить виски и тихо удалиться. Что бы ни привело эту даму сюда, его это не касается.

Но вместо этого он поставил стакан и шагнул в круг света.

– Я хочу извиниться за это произведение искусства, леди Brentford. – Теплое дыхание каким-то образом проникло сквозь тугий узел волос на затылке и защекоотало кожу на шее. – «Волчье логово» не часто принимает у себя респектабельных дам.

– Не стоит извиняться, – ответила Элиза, леди Brentford, пытаясь не замечать волну жара, медленно прокатившуюся вниз между лопаток. – Я не упаду в обморок от шока. Мне уже доводилось лицедреть мужское достоинство раньше, сэръ.

Джентльмен рассмеялся, и хотя звук его голоса был легким, как ветерок, жар в ее крови повысился еще на один градус.

Разыскивать Гарри в небезызвестном борделе и карточном притоне уже само по себе было достаточным для того, чтобы прийти в смущение, но почему она оказалась в слабо освещенной, неизвестно кому принадлежащей комнате и рассматривает непристойную гравюру вместе с самым привлекательным мужчиной, какого она когда-либо встречала в своей жизни?

Это было непостижимо.

– Возможно, – ответил джентльмен, – но вряд ли вам доводилось наблюдать такое большое число мужских органов одновременно.

Он встал с ней рядом, и она заметила, как блеснули смешливыми искорками его глаза.

Элиза моргнула. Как это несправедливо, что Господь наградил такими привлекательными глазами явного повесу, мелькнуло у нее в голове.

– Да еще в таком разнообразии любовных поз, – добавил он.

Элиза отошла немного в сторону, потому что близость этого человека оказывала на нее странное влияние. А ей и так уже было не по себе от мысли, что ей придется встретиться лицом к лицу с братом. В таком месте...

– Похоже, что ловеласы тратят все свое время на карточную игру и игры в постели, – отреагировала она насмешливо. – Ваше присутствие здесь свидетельствует о том, что эти игры и вам знакомы.

Вместо того чтобы обидеться на эту намеренную грубость, он снова рассмеялся.

– Все нет. – Он сделал вид, что внимательно рассматривает нескромную картину. – И слава Богу. Многие из этих «шедевров живописи» не доставляют удовольствия.

Она спрятала улыбку, не желая поощрять рискованный флирт.

– Между прочим, мне кажется, что нас не представили. – Он опять оказался рядом. Достаточно близко, чтобы она могла уловить пряный аромат его одеколona. – Я – Хадден.

Лорд Хадден. Кумир Гарри.

Надо же! Какое удивительное совпадение, подумала Элиза. Он красив, обладает чувством юмора, и ей даже понравилось его общество.

– Тот самый Хадден? – спросила она, тщательно скрывая неожиданное разочарование. В конце концов, какое значение имеет, кто он? – Один из пресловутых церберов, которым доставляет удовольствие нарушать все правила приличия?

– Вижу, что моя репутация меня опередила.

Помолчав, он развел руками.

– Что касается правил, вам следует посоветовать брату не играть по-крупному. По сравнению с волками, которые играют в «Логове», он просто деревенский ягненок. Они очень скоро обдерут его как липку.

Ее нервы и так были напряжены от беспокойства, а его слова были словно иголка, которая воткнулась прямо в самое больное место.

– С чего вы воображали, что я имею влияние на своего брата, сэр? – Дама вскинула голову. – Он распоряжается всеми деньгами, единолично принимает решение, куда их тратить, и управляет нашим имением. Неужели вы думаете, что он прислушается к совету сестры вести себя иначе? Это нереально.

Она выпалила все это, не сдержав гнева, но маркиз, кажется, отнесся к ее словам серьезно. Он нахмурил брови и уставился на турецкий ковер под ногами, словно искал ответа в его замысловатом рисунке.

Не то чтобы она надеялась услышать что-то дельное. Она знала по опыту, что джентльмены предпочитают не заниматься трудно решаемыми проблемами. Но он опять ее удивил.

– Кажется, я снова должен извиниться, леди Brentford. Вы правы. С точки зрения логики мой вопрос был глупым и абсурдным.

– Чтобы джентльмен признал свою ошибку? Пожалуй, я передумаю и все-таки упаду в обморок, – пробормотала Элиза.

– У меня слишком много ошибок, чтобы во всех признаваться. Не стоит из-за такого, как я, лишаться чувств.

Черт бы побрал этого мужчину за такую привлекательную улыбку. И такие глаза. Такого загадочного зеленого цвета глаз Элиза еще никогда не видела: словно солнечный свет растворился в зеленой листве.

Она быстро отвела взгляд.

– Ирония в том, – сказала она, – что при всех ваших недостатках – а их, видимо, легион – вы единственный, кто сможет достучаться до упрямой головы Гарри.

– Я?

– Именно так. Вы его герой. Мужской образец бесшабашного распутства.

Гриф нахмурился:

– Я даже не знаю вашего брата.

– Но он совершенно точно знает вас.

– Однако вряд ли он меня послушает. Моя репутация...

– Я уверена, что для вас не так уж важно мнение деревенской вдовы. – Обыкновенной обедневшей вдовы, добавила она про себя.

– Я вижу, что я опустился ниже всякого уровня, – сказал он непринужденно. – Неужели я ничего не могу сделать такого, что подняло бы меня в ваших глазах?

Вопрос, как она поняла, был риторическим. Это была просто светская болтовня, которая должна была вызвать улыбку, а не настоящий ответ. Все же его слова вызвали в ее душе странный трепет, а потом откуда-то взялась шальная мысль: «Поцелуй меня».

За всю свою жизнь Элиза не испытала ни одного настоящего поцелуя – такого, как описывают в романах. Отец выдал ее замуж за сварливого барона, который был намного старше ее и женился на ней не за ее красоту, а за благородное происхождение. Это был холодный брак без любви. А теперь Гарри делает все для того, чтобы история повторилась.

Как же ей все надоело! Как она устала от того, что должна вечно оправдывать чьи-то ожидания. Всего один раз, единственный, она хотела поступить по-своему. Решиться на что-то опасное. Непредсказуемое.

– Поцелуйте меня. – О Боже, неужели она произнесла эти роковые слова вслух?

– Простите? Я не расслышал.

– Стукните моего лоботряса брата по башке, – сказала она более отчетливо. – Для человека, который, как пишут в газетах, в прошлом месяце в вашем клубе обыграл вчистую лорда Феттерса и лорда Бертрама, это будет не слишком сложной задачей. Может, он одумается.

– Газеты всегда преувеличивают. Но во всяком случае, я думаю, что лорду Литу нужен не только удар по башке, но и пинок под зад, чтобы сбить его с дороги порока. Направить, как говорится, на путь истинный.

– Боюсь, что вы правы.

Элиза очень надеялась, что ее щеки не пылали от того безумия, которое она только что себе позволила. Ей надо было срочно на что-то отвлечься.

– О! – Ее взгляд упал на золотую раму, лежащую лицом вверх на серванте. – По-моему, это акварель Редуте?

Она улыбнулась, погладив золоченую раму, и у него почти остановилось дыхание.

Это было похоже на то, будто из-за туч вышло солнце.

Ее глаза засветились, а когда она подняла ресницы, он увидел, что ее глаза были не просто карие. В них играли золотистые искорки. Свет из окна освещал ее немного загоревшие щеки, подчеркивая высокие скулы. Увидев на носу россыпь веснушек, он решил, что она, должно быть, проводит много времени на свежем воздухе.

Это лицо было запоминающимся. Оно не было хорошеньким, скорее необычным. Нестандартным. Не похожим на лица лондонских красавиц, которые выглядели так, будто были вырезаны из одного и того же куска картона.

– Как вы считаете, мисс Хокинс не будет возражать, если я чуть-чуть подвину стекло? Мне очень хочется увидеть, какую он использует бумагу, и рассмотреть мазки.

– Не стесняйтесь. – Леди, знакомая с работами Редуте? – Я уверен, что у Сары не будет возражений.

Элиза стала расстегивать пуговицы перчаток.

– Позвольте мне помочь. – Гриф взял ее руку и, расстегнув крошечные пуговички, начал стягивать – палец за пальцем – лайковые перчатки.

– А теперь давайте другую руку, – потребовал он, прежде чем она успела возразить. – Предметы женского туалета подчас сложно снимать. Но как видите, у меня имеется кое-какой опыт.

Ее лицо залила краска, и оно стало почти таким же пунцовым, как розы на картине, которую совсем недавно раскритиковал Гриф.

Почти отвернув кожу второй перчатки, он остановился. Он оказался лицом к лицу с бедой в форме небольшого кусочка ее запястья. Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь тонким ароматом лаванды и жимолости. Этот запах притягивал его, и Гриф наклонялся все ниже и ниже...

– С-сэр! – Она выдернула руку, но он успел почувствовать мягкость ее кожи.

– Простите. С моей стороны это было не по-джентльменски, – сказал он, наблюдая, как она, сняв перчатку, наклонилась над рамой. Неужели ее шепот был лишь плодом его воспаленного воображения?

– Можете ударить меня, если... если я нарушил правила приличия. Поддался...

Появление Сары не дало ему возможности закончить фразу.

– Простите, что я задержалась, леди Brentford. – Она сделала паузу и взглянула на них вопросительно, прежде чем добавить: – Я попросила вашего брата подождать в одной из свободных гостиных в конце коридора. Портье проводит вас.

– Простите меня, но я немного подвинула стекло на вашей картине, – запинаясь сказала Элиза. – Мне никогда раньше не приходилось видеть оригинал художника Редуте, поэтому мне захотелось поближе рассмотреть технику его письма.

– Что? – спросила Сара. Она явно что-то пропустила.

– Я говорю о художнике. Это Пьер-Жозеф Редуте. Он служил придворным живописцем у Марии Антуанетты.

– А позже он работал под покровительством императрицы Жозефины, – добавил Гриф.

Элиза посмотрела на него с удивлением:

– Вы знакомы с его творчеством?

Он на самом деле был большим поклонником таланта этого французского художника, но решил не говорить об этом, а просто пожал плечами. Только его приятели-церберы Коннор Линсли и Кэмерон Дэггетт знали о его тайных пристрастиях, и он предпочел, чтобы так оно и оставалось.

– Возможно, я и повеса, но все же не полный дикарь, леди Brentford. – Повернувшись к Саре, он сказал: – Редуте известен своими натюрмортами. Он особенно любил розы и лилии.

– А эта картина – выдающийся экземпляр. – Элиза помолчала и добавила со вздохом: – Я ни в коем случае не хочу вас обидеть, мисс Хокинс, но я не могу не сказать, что она могла бы украсить стены совсем другого заведения.

Сара энергично закивала.

– Вы имеете в виду тайный язык цветов?

– Да. Красная роза символизирует страстную любовь. – Элиза провела пальцем по линиям лепестков. Ее губы скривились в скептической усмешке. – Не думаю, что это чувство здесь в чести.

– Очевидно, мне придется продать картину, – с сожалением сказала Сара. – А на вырученные деньги купить побольше картин с изображением голых женщин и мужчин.

– Я бы купила у вас эту картину, если бы у меня были деньги. Но у меня их нет, – сказала Элиза, бросив последний взгляд на картину.

Гриф молча наблюдал за тем, как она натянула перчатки и потрясла руками, как профессиональный спортсмен, готовящийся выйти на боксерский ринг.

– Я ценю вашу доброту, мисс Хокинс, – продолжала Элиза. – Надеюсь, что мне больше никогда не придется злоупотреблять вашим гостеприимством.

Не взглянув на Грифа, она поспешила выйти в коридор.

– Леди с характером, – пробормотала Сара, когда за Элизой закрылась дверь. – Желаю ей удачи с мужчинами, которые встретятся на ее пути. Помогите ей Бог.

Гриф нашел свой стакан с виски и отпил глоток. Но алкоголь странно диссонировал с воспоминанием о мимолетном прикосновении к ее руке. Черт побери, ночь окажется не такой, как он замышлял. Возможно, книги будут для него лучшей компанией, чем...

– Спасибо за виски, Сара, – сказал он и поставил на стол недопитый стакан. – Пожалуй, я пойду.

– Уже уходите?

– Да. – Его взгляд упал на картину, и ему вдруг показалось, что лепестки розы затрепетали, посылая ему тайный сигнал. – А это я возьму с собой. Запишите ее на мой счет вместе с бутылкой виски.

– Вы хотите сбежать с Редуте? – со смешком спросила Сара. – Погодите, милорд. Вы не боитесь, что шепот этой розы вскружит вам голову?

– Мою голову? Мне жаль вас разочаровывать, моя дорогая. Причина, по которой я хочу взять эту картину, чисто практическая и не имеет никакого отношения к любви.

Глава 1

– Черт возьми, прекрати пилить меня, Элиза. – Гарри, лорд Лит, скорчил гримасу и с силой поставил бутылку на полированный стол. – Лит-Эбби – мое поместье, и я буду управлять им как хочу.

– К сожалению, это правда, – стараясь сдерживать раздражение, заметила Элиза. Брат был на четыре года ее моложе и всегда был внимательным и добрым мальчиком, но все резко изменилось, когда он поступил в университет. Когда он уезжал, он был энергичным, обаятельным молодым человеком, а вернулся высокомерным, эгоистичным балбесом.

То, что он этого не понимал, только усугубляло проблему. И сейчас это было совершенно очевидно.

– Я рад, что мы понимаем друг друга. – Его самодовольная улыбка свидетельствовала о том, что сарказм прошел мимо его ушей. – Как я уже сказал, я пригласил некоторых из своих друзей погостить у нас пару-другую недель. Я надеюсь, ты позаботишься о том, чтобы все прошло гладко. Чтобы меню обедов было разнообразным, и все такое. Побольше бифштексов. Баранья нога. Йоркская ветчина. А Бушнелл, кстати, обожает фазанов, так что позаботься, чтобы в запасе их было в достаточном количестве.

Элиза не верила своим ушам. Неужели этот молодой повеса, ее брат, не слышал ни слова из того, что она сказала о состоянии их финансов?

– Не заказать ли мне головку зеленого сыра с луны в придачу? Или фрикасе из единорога, приправленное серебристой звездной пылью?

Сарказм в голосе Элизы наконец пробился в одурманенную бренди голову Гарри.

– К черту, Элиза! Нельзя трястись над каждым пенни, когда принимаешь гостей. – Гарри резко повернул голову и едва не угодил себе в глаз кончиком накрахмаленного стоячего воротника.

Не зная, плакать ей или смеяться, Элиза облокотилась о стол, обхватила голову руками. Иначе она не удержалась бы и швырнула в брата керамической вазой с цветами. Интересно, есть ли какой-либо цветок, символизирующий «тупоголового идиота»?

– Гарри, – сказала она, – позволь мне объяснить тебе как-нибудь попроще, чтобы дошло до твоих затуманенных мозгов. Денег у нас почти не осталось. Наша земля из-за отсутствия надлежащего ухода в запустении. Мясник грозит лишить нас кредита и... – Она помахала перед носом Гарри пачкой счетов. – А твои портной и обувщик требуют такие суммы, что на них можно было бы построить и оснастить четырехпалубный корабль для флота его королевского величества.

Гарри обидчиво надул губы.

– В таком городе, как Лондон, человек должен быть на высоте своего положения.

– Хотя это и загонит нас прямиком в долговую яму?

– А ты не можешь что-нибудь сделать? – захныкал он. – Как насчет твоих картинок? По-моему, ты заработала кое-какие деньги на иллюстрациях к этим дурацким книжкам про цветы.

Элиза отвернулась. Эти «дурацкие книжки про цветы» на самом деле были содержательными книгами о полевых цветах Англии, написанными известным специалистом из Мертон-колледжа.

Да, ей заплатили, и совсем неплохо. Но будь она проклята, если потратит хотя бы пенни из заработанных своим трудом денег, чтобы оплачивать дебоши Гарри. Она уже сэкономила достаточно, чтобы купить небольшой уютный домик в Озерном крае в Шотландии. Там она сможет наконец сделаться независимой, стать свободной от алчных требований мужчин.

Скоро поступит еще один заказ, и если ее работа будет принята, то давняя мечта может осуществиться.

– Этих денег уже давно нет, Гарри.

Это не было ложью. Она дала их на сохранение доброму мистеру Мартину, такому же, как она, члену общества садоводов, который был поверенным в соседнем городке Харпдене.

– А как насчет того, чтобы нарисовать еще что-нибудь? – льстиво сказал Гарри. – У тебя это хорошо получается.

Улыбка исчезла с лица Элизы.

– А как насчет того, чтобы тратить меньше? – Элиза показала на золотые брелки, свисающие с цепочки часов. – Посмотри на себя. Ты похож на сороку, которая хватается все блестящее, не задумываясь о последствиях. – Не удержавшись, она тихо добавила: – Птичьи мозги.

Гарри плеснул портвейна в свой стакан, пролив больше половины на стол.

На полированной поверхности образовалась липкая лужица, грозящая пролиться на ковер.

Неплохая метафора, подумала Элиза. Именно так ее братец обескровливает их поместье.

Гарри с шумом отпил глоток и уставился на Элизу красными от бесконечного пьянства глазами.

– Знаешь, наши проблемы были бы все решены, если бы ты перестала упрямиться и вышла замуж за сквайра Гейтса. Он готов назначить мне приличное содержание за честь стать твоим мужем.

– Наши проблемы?

У Гарри хватило совести покраснеть.

– Сквайру Гейтсу больше шестидесяти, и он прикован подагрой к инвалидному креслу, – напомнила Элиза. – Если ты так настроен на брак, почему бы тебе не поискать богатую наследницу?

– Я не хочу оказаться в кандалах, – возразил Гарри. – Я хочу отдать дань увлечениям молодости. – Он сжал пальцами стакан. – Значит, так ты решила отплатить мне за то, что живешь у меня и я о тебе забочусь? За всю мою доброту меня просто хотят использовать. Ты жестокая и неблагодарная. И эгоистка.

Элиза глубоко вздохнула.

После еще одного глотка Гарри начал давить на жалость:

– Я останусь на несколько дней в городе, а когда вернусь в поместье, со мной будут мои друзья. Откуда нам взять денег на наши развлечения?

– Ради Бога, Гарри. – Поскольку брат уже приканчивал вторую бутылку, Элиза поняла, что спорить бесполезно. Она резко встала. – Продай своего рысака вместо своей сестры.

* * *

Гриф поднял глаза, когда трость с серебряным набалдашником коснулась газеты, которую он изучал.

– Так, так. Блудный пес вернулся. И когда же ты изволил прибыть в Лондон?

– Вчера вечером. – Третий член компании церберов Кэмерон Дэггетт сел на ручку кресла напротив и скрестил ноги. Как обычно, он выглядел как на картинке из модного журнала – за исключением некоторых деталей, призванных шокировать записных модников общества. На этот раз на нем был лиловый шейный платок индийского шелка, а не обычный накрахмаленный белый галстук.

– И где же ты был? – поинтересовался Гриф.